

Алена Багрянова

Спаси меня
пока не поздно

Акт 1. То, что дает смысл

Новый день светит в окно лучами утреннего солнца, но я не чувствую его так же как и раньше. Оно не греет мою бледную кожу. Когда-то мне казалось, что эта теплота способна добавить красок ко всему. Теперь же я не различаю цветов. Жизнь слилась в серость. Не различаю ни цвета дурацкого ковра на стене, не скажу, какие занавески на моих окнах. Просто занавески, бесполезное нечто, как и я сама. Вкус. Что это? Я тоже забыла, что значит это слово. Соленое? Сладкое? Горькое? Мне безразлично. Во рту сухо, вот что я могу сказать.

Не имеет значения, какой сейчас час, ведь весь мир опять скатился в странную картину, пролетающую за окнами моего поезда жизни. Иногда мне начинает казаться, что где-то скоро конечная станция. Особенно в эти моменты, когда внутренние предвестники будущего огня ноют где-то внутри тела. Грудную клетку словно стягивает что-то тугое, тяжело дышать, а сердце крепко хватает пятерня боли и отчаяния. Почему мои глаза смотрятся в отражении зеркала такими безжизненными в оплете темных кругов? Почему такие большие мешки под глазами? Куда идет мой разум?

Стискаваю голову меж худых и хрупких рук, пытаюсь унять шум в голове. Странно, зачем мне так делать, если я прекрасно знаю, что это мне не поможет?

Есть только одно средство.

— Нет, нет, нет, — шепчут в пустоту мои искусанные губы.

А все тело яростно вопит: «ДА!».

Черная футболка висит на мне мешком, как на какой-то вешалке. Когда я похудела?

— Последний раз и все, — убедительно тычу пальцем в свое отражение.

Странно, кажется, что те, другие глаза в зеркале лгут. Я давно поняла — оно сломалось. Я не могу быть такой...страшной. Или иначе...как я докатилась до этого?

Разум приходит не часто. И сейчас он просит покончить со всем. Взгляд сам собой падает в сторону захламленного столика. Мой резак, которым я когда-то точила карандаши так и манит.

— Последний раз, — киваю я себе, вконец убеждаясь.

Выхожу из своего однокомнатного убожества и ежусь от прохладного осеннего ветра. Несмотря на лучи горячего небесного шара, все вокруг такое угрюмое. Солнце не спасет эту землю от холода. Оно никогда и не светило, наверное.

Толстая латинка, что курит, облокотившись о зараженные коррозией перилла, смотрит на меня с отвращением. Кулак сам собой выставляет средний палец.

Нечего пялиться.

Соседи...чтоб их. Никогда не ладила со всеми соседями, что были в моей жизни.

— Эй, крошка, — толстый Чак отвратительно улыбается своими желтыми зубами, — поласкаешь моего угря за полтос?

Снова средний палец в ответ. Я нормальная гордая женщина, а не сраная наркоша.

Тут же противоречие, словно цунами, ухает меня по голове.

Кажется, скоро мне будет безразлично каким способом доставать деньги.

Я знаю эту дорогу. Могу проходить её в мыслях сотни тысяч раз. Наизусть знаю все дорожные знаки, светофоры, магазины и переходы. Я молюсь этому пути. Ведь только он

ведет к смыслу.

В «Приюте Матушки» все те же лица. Они мне нравятся. Это и есть мой круг общения и чего-то нового мне не хочется. Меня всегда встречают, как родную. Это намного лучше родителей. Те давно плюнули на меня и перестали общаться. Им куда важнее, чтобы моя младшая сестричка окончила школу с медалью и ни в коем случае не пересекалась со мной хоть где-нибудь. Мои родственники меня ненавидят. А если так, клала я на них вот такенную кучу дерьма.

А эти люди, они меня любят и дают смысл.

Здесь, среди обшарпанных стен, граффити и мусора, нашли свое место: высокий парень по имени Шон, Треиси и Грейс — две красотки блондинки. Бобби, которому за сорок, но он рад помогать таким потерянным душам как мы, его жена Джудит. Гоп-стоп и Пудинг тоже здесь. Их имен я не знаю, но клички отличные. Пудинг это парень восемнадцати лет с розовыми, как клубничный пудинг волосами. Они такие мягкие. Гоп-стоп же чуть старше меня, такой же худой и его глаза завораживают всех своей голубизной.

Вот и вся моя новая семья. Не хватает только одного. Человека, что казался когда-то мне лучшим другом.

Подобие боли колет сердце. Скорее. Надо заглушить все в зародыше.

Бобби как всегда меня обнимает при встрече, расцеловывает в обе щеки и подставляет ладонь. Мои зеленые купюры с радостным шелестом уходят к нему в карман, а мужчина с широкой и дружелюбной улыбкой призывает занять свое любимое место.

— Бобби, — я почему-то счастлива, — скоро ты меня не увидишь.

Мужчина ничуть не удивлен и отходит куда-то. Можно было ожидать, это я говорю ему уже раз восьмой.

Рыжая бестия со старомодными голубыми тенями на веках, морковной помадой на губах, в леопардовой кофте спешит ко мне со всем необходимым.

— Это последний раз, — медленно проговариваю я, замороженно глядя, как металлическая ложка кипит содержимым над зажигалкой, и облизываю губы, — я завязываю. Это последний раз.

— Да детка, — Джудит улыбается мне, когда я затягиваю ремень на руке.

Моя кровь смешивается с героином в шприце. Это прекрасно. Наверное, будь у меня желание, я бы написала об этом поэму. Мгновение перед тем, как эта штука, способная вернуть тебе на кое-то время счастье вливается в вену можно считать самым сладким предвкушением, что я испытывала.

И вот он. Оргазм. Нет. Лучше в тысячу раз. Сердце на секунду замирает и мчится вперед со скоростью экспресса. С открытым от блаженства ртом я падаю спиной на ковер.

Мягкий. Чертовски мягкий. Облачко желтого цвета с запахом дешевого табака и духов. Я люблю его. Это моя вселенная. Все резко обретает смысл, окружение взрывается красками, а ты улыбаешься. К чему все запары о жизни, когда есть героин?

Но, стойте. Все вдруг глохнет. Я не слышу музыку, не слышу голоса моей семьи, и мне вдруг делается столь больно, сколь было хорошо до этого. Мое дыхание замедляется, все видится тускло и неинтересно. Что-то не так с этой дозой! Я не должна была так вмазаться.

Холодно. Страшно холодно. Боже, кто-нибудь спасите меня! Я здесь!

Мне хочется прокричать Бобби, что я тут, меня надо доставать, но тот жалостливо глядит на меня и тащит куда-то. Подождите! Сколько времени прошло? Почему на улице дождь?

Ничего не понимаю. Меня пихают в какую-то коробку или мне так кажется, а потом мир сотрясается под неровный шум двигателя. Двигателя? Сознание приходит на секунду, когда я вдруг понимаю, что пускаю слюни на сидение в такси.

Я попыталась что-то сказать водителю, но вышло какое-то странное мычание. А потом мир вновь заглох. Увяз в густой перине моего странного состояния.

Смерть ли?

Когда перед глазами посветлело настолько, что глазам стало больно, то я учуяла запах медикаментов. Люблю его. Мы в местах с таким запахом воровали разные штуки, наряду с рецептами и потом принимали: от морфина до фенобарбитала.

Перед тем, как я вновь возвращаюсь на этот свет, мое тело немеет настолько, что мне становится невыносимо больно. Выгибаюсь дугой, когда что-то жгучее быстро распространяется по венам. И вновь я слышу, вижу и не умираю. На меня накатывает саднящий горло кашель, жажда хоть какой-то жидкости душит, а в висках стучит так, словно я в каком-то клубе с громкой музыкой. Маниакально кручу головой, пытаюсь понять, где же оказалась. Ну конечно, больница. Приемный покой. Грудь наголо, кушетка холодна, а лицо человека, спасшего мою жизнь, кажется смутно знакомым.

Я отказываюсь от госпитализации, впрочем, этого врачи и ожидали. Не говорю спасибо, просто потому, что не хочется. Это была моя остановка, а мне вдруг дали билет до следующей станции.

Мужчина, что вколол мне живительной хрени, странно смотрит на меня, пока медленно, покачиваясь, выхожу из приемного покоя. Он разочарованно качает головой, но ничего не говорит.

Врачи. Ненавижу их.

Акт 2. Тот, кому не безразлично

Вновь мой путь. Моя молитва и твердое намерение покончить с этой дрянью. Но предвестники боли, жаждущие заглушить её еще на подходе, снова сковали мое нутро своими ноющими цепями. Мне одиноко и больно. Каждый раз кажется, что так плохо мне еще никогда не было. Хотя, по сути, мне хреново всегда, кроме тех прекрасных моментов, когда игла несет счастье, а все видения прошлого и боль от накатывающих картинок улечучивается в царство Аида, ожидая, пока мой разум вновь начнет проясняться.

— Последний раз, — я говорю это себе твердо, плюя на то, как смотрят на меня прохожие.

Дверь продуктового магазина открывается как раз в тот момент, когда я собираюсь переходить улицу рядом с ним. Тот самый врач удивленно смотрит на меня, держа в руках пакет полный еды. Черт, как можно столько много жрать? Я опускаю голову и уверенно иду к пешеходному переходу, лишь бы этот идиот, что сунул мне «билетик» не узнал меня окончательно.

— Только не говори, что снова пошла туда, — бросает он мне в спину.

Люди начинают пялиться. Я злюсь. Меня ждет моя семья. Нет мне дела до этого идиота.

— Вмажешься сейчас — тебя уже будет не откачать, — от этих слов я встаю, как вкопанная.

Сволочь еще и прилюдно это говорит!

— Я вообще-то в магазин, умник, — раздраженно говорю я и гордо разворачиваю свою тощую фигуру. — Захотела апельсинового сока...да, сока.

Со стороны моя ложь кажется смешной, но мне без разницы, лишь бы отвязался.

— Вообще-то здесь продают хороший и недорогой сок, — говорит он серьезно.

— Да, скажи еще, что и тампоны тут хорошие есть.

— Вот уж в чем не разбираюсь, — он пожимает своими широкими плечами и нажимает на кнопку у пульта сигнализации.

— Я пошла.

Устремляюсь вернуться на путь своей молитвы всевышнему предвкушению и наслаждению. Дырявые кеды шлепают по асфальту, неся меня против ветра, словно это сандали Гермеса. Во рту пересыхает, а глаза вновь начинают слезиться. Надеюсь, он отвяжется. Знаю, что он смотрит на меня. Внимательно следит. Такому человеку как я, должно быть, плевать на подобное внимание. Пусть думает, что думает, он не вправе меня судить. Но...

Позорно залетаю в двери булочной напротив, где будь у меня сейчас не «серое» обоняние, я бы почуяла восхитительный аромат выпечки «Мадам Сью», как гласила обшарпанная вывеска.

Наблюдаю, как он загружает пакет на заднее сидение.

— Что-то подсказать? — тонкий голосок обращает на его обладательницу внимание, поворачиваюсь и поражаюсь, как не вяжется её голос с толстым, словно у кита, телом.

— Нет, — быстро говорю я, ожидая, пока чертов врач-из-приемной уедет на своем дурацком черном седане.

— Если не будете ничего покупать, то попрошу вас выйти, девушка.

Кит с волосами, больше похожими на овечью шерсть, с пренебрежением смотрит на меня из-за небольшой лавочки. Закатываю глаза.

Через две минуты я с булкой выхожу на улицу, а его физиономия уже на этой стороне дороги.

— С маком, кто бы сомневался, — его лицо столь серьезно, что я не могу определить сарказм ли это. — Поехали.

— Еще чего, — но меня не слушают и нагло хватают за запястье. — Эй, я сейчас закричу!

— Людям на тебя плевать, если ты не знала. Времена такие.

— Пошел в задницу!

Пытаюсь вырвать, крепко стиснутую в его хватке конечность, но тщетно. Такая щепка, как я, навряд ли сможет что-то противопоставить мужчине. Черт подери, неужели я зря тратила целый доллар, тридцать пять центов на это ненужную ни мне, ни моему организму булочку? Обидно, особенно тогда, когда стараешься не тратиться совсем, потому что тебе дорог каждый доллар, для того чтобы приобретать что-то, что может давать смысл твоей гадкой жизни. Честно, был бы у меня нож- я бы его ударила. Был бы пистолет — выстрелила, но я продолжаю позорно упираться и бить его по руке, ругаясь и крича.

— Слушай, если съездишь сейчас со мной кое-куда, то я без вопросов отвезу тебя к обожаемой семье! — не выдерживает он моих ударов дурацкой булкой по голове.

— Откуда ты...? — ему удалось меня удивить.

— Знаю, — пыхтит рассержено врач из приемного покоя. — Просто замолчи и иди со мной в машину. У меня нет привычки обманывать, Эйприл.

Надо же, запомнил мое имя.

Обида прожигает изнутри, когда сажусь в его машину с пониманием, что не скоро мне предстоит вмазаться. В последний раз, конечно. От желания чешутся руки, пухнет голова, заставляя думать только об одном, а тело ноет, прося новой дозы. От этого можно сойти с ума. Некоторые говорят, когда ломка наступает сильная, то тебе могут видаться галлюцинации. Интересно, они такие же серые, как и моя жизнь, или же обретают цвет? Мне не хочется узнавать, поэтому я нервно тереблю край моей футболки и с отвращением гляжу на несчастную булку в руке. Надо выкинуть эту дрянь.

— Что ты за хрен такой?

Он поворачивает ключ в зажигании, и мотор урчит под капотом.

— Я понял еще на прошлой неделе, что ты меня не узнала. Приводи в порядок свои мозги и, может, вспомнишь.

— Пошел ты. Чтобы ты знал, я не трахаюсь за деньги.

Лицо врача искривляется, словно я подсунула ему под нос что-то вонючее.

— Упаси меня Господь. Что за поверхностные мысли?

— Какого черта тебе от меня надо?

Мы трогаемся с места.

— Есть причины. Хочу показать тебе кое-что, — лицо его делается хмурым, словно я наступила на его болезную мозоль. — Может поэтому мне не плевать. Я помню тебя еще маленькой девочкой, которая любила таскать в гостях печенье.

Я прищуриваюсь и по-новому смотрю на него. Точно, это лицо из моего детства, которое почти позабылось. Он изменился очень сильно. Будто совсем другой человек, а не

то прыщавое недоразумение с тощими ручками и ножками.

Отворачиваюсь. Смотрю перед собой, а он молчит, хотя видит, что я узнала его. Не знаю, что чувствовать. С его младшим братом я была очень хорошо знакома. Мы дружили, пока не разошлись, выбрав в старших классах разные направления. Я ушла в гуманитарную группу, а его брат предпочел точные науки. Это было так давно, что эти воспоминания кажутся мне попросту сном.

— Давай скорее, — бурчу я. Кажется, он едет слишком медленно, а мне так хочется поскорее попасть в приют моей души и, наконец, почувствовать что-то кроме боли и серого безразличия.

Ровно через пятнадцать минут, я чувствую. Не безразличие, не боль, а панику. Место, куда он меня везет, было под неофициальным запретом. Я боялась его и готова была вцепиться руками в руль, лишь бы свернуть с той дороги, ведущей к высоким кованым воротам.

Акт 3. Те, к кому мы спешим

Мне неприятно. По телу блуждает холодок и омерзение, попеременно со страхом и ощущением безвыходности. Ненавижу это. Ненавижу кладбища. Белые мраморные плиты, состроенные в идеально ровные линии. Никакого отличия, кроме имен. Последний раз здесь я была еще маленькой. Родители водили меня в старую часть этого града мертвых. Тогда еще можно было купить себе место среди статуй, гробниц и, будто вечно-хмурой зелени, которая была на деревьях, вилась по искусным работам скульпторов и обволакивала последние пристанище каждого усопшего так, будто тому было не безразлично, где лежат его кости. Тогда я испытывала тоску, ноющую на сотни ладов внутри, и желание поскорее убраться из мрачного, даже в самую ясную погоду места. Сейчас же, в той новой части, где хоронят лишь пепел мертвецов, мне отвратительно. Явно показано, где мы все окажемся. В небольшой урне, где и кошка-то не поместится. Все мы станем прахом в коробке. Но не эта удручающая перспектива отталкивает меня и точно не она заставляет с силой игнорировать горький комок, который скоро сможет душить изнутри. Просто буквы сложенные в слова, цифры в дату, странно, что такой набор способен пробуждать умершие чувства. Я смотрю на имя и мне не по себе, и дико хочется уйти.

— Вы дружили, так? — голос доктора такой же серый, как мое недавнее состояние, взгляд тяжелый. — Думаю, ты должна знать, где он похоронен. Ты была здесь?

Я смотрю на имя и хватаю нижнюю губу зубами, чтобы только не чувствовать то, что заново рождается во мне.

«Брэдли Палмер. Будь вечно счастлив на небесах. Мама, папа, брат».

Шумно втягиваю носом воздух.

Брэдли был хорошим парнем. Отзывчивым и достаточно разумным для того, кто несколько лет сидел на героине. Прошел всего год с его кончины, а я помню каждую его ухмылку и то, как он мастерски вмазывался. Падал на ковер — облако счастливых грез — улыбался всем на свете и пел французский марш. Мы встретились, когда моя жизнь была разбита, а выход из всего, что окружало меня, виделся лишь удавкой на шее. Тогда он выслушал, все мои слезы и стенания. Обнимал и говорил, что знает способ как все это остановить, но такая хорошая девчонка, как я должна сама выбирать будущее. У меня его не было. И два дня спустя я первый раз вмазалась. Он мне помог. Все рассказал и показал. Брэдли стал спасителем моей никчемной жизни. Мы долго сновали вместе по улицам, веселились и вмазывались. Мы были друзьями и любили нашу новую семью. А потом, спустя два года, у него случился дикий передоз. Меня не было рядом — родители в последний раз пытались вразумить. Гады, хотели запереть меня в лечебнице. Тогда я потеряла единственного друга и долго ревела.

Как бы я не любила этого человека, все равно не пришла на его похороны, хотя знала, где и когда они будут. А после не бывала на его могиле. Я отчего-то боялась приходить. Наверное, вид его имени на надгробной плите мог бы окончательно развеять о нем память и чувство, что веселый парень с глазами цвета коньяка все еще где-то рядом.

— Мне жаль, — вторя его серому тону, говорю я.

Натан смотрит пристально, изучая мою реакцию. А за ним на чистой глади неба я вижу, как серые и неприятные тучи наплывают на нас, словно огромная мрачная волна. В лицо,

резким порывом врзается пронзительно холодный ветер.

— Была моя смена. И я не смог ему помочь. Привезли очень поздно. Как бы мы не старались, пульс его падал. Брэдли так и не открыл глаза.

Сердце мое жалит острой иглой боли и вины. Кажется, что если бы я была там, то смогла бы чем-то ему помочь и заметить раньше остальных, но... я сглатываю горький ком и морщусь. Держусь и с силой заставляю взгляд отлипнуть от белой глади с прожилками, что складывались в буквы и слова. Отвечаю на его не высказанный вопрос тяжелым и темным взглядом. Это ни разу не хорошо, вот так поступать с человеком. Натан просто идиот, решивший, что вид могилы меня переубедит и поставит на путь истинный. Я потерянный человек. Гниющий заживо, саморазлагающийся в своей слабости и нежелании принимать серьезные решения. Я умру, а в этом мире так ничего и не переменится. Точка. Так будет с каждым.

— Всё? Посмотрели? — прищуриваюсь. — Вези меня, ты обещал.

— И ты ничего ему не скажешь? — он ни капли не удивлен. Натан засовывает руки в карманы, впрочем, не двигаясь с места.

— Смысл говорить с куском земли, под которым есть лишь пепел мертвеца?

— Помогает. Облегчает душу, — Натан пожимает плечами, так, словно я не знаю прописных истин.

— Ты врач, так? — он кивает. — Значит должен знать, что души нет. Мясо, потроха и энергия, что движет этим. А не эфемерная дрянь, которая потом типа отправляется в рай или ад.

Он долго на меня смотрит и спокойно идет, проходит мимо меня, и я прусь следом.

— Ты ничего не поняла, Эйприл. Давай называть душу — чувствами. Разговор с куском земли, как ты говоришь, — мужчина достает ключи из кармана, продолжая идти, — на самом деле может дать ощущение похожее на то, как будто ты избавился от тяжелой ноши. Временно, конечно, но все же. Ты разговариваешь больше не с мертвецом, а самим собой. Проясняет мысли.

— Вижу, у тебя богатый опыт, — безразлично кидаю я, в тот момент, когда мы подходим к машине.

Ответом мне служит молчание и легкие подталкивания ветра в спину. Сама природа ведет меня к семье. Что ж, пора, наконец-то, забыться. Компания этого человека мне осточертела.

Но вместо того, чтобы завести машину и тронуться с места, доктор о чем-то размышляет, с застывшей рукой у зажигания. Он так и не вставляет ключ. Смотрит перед собой, но так, словно ничего не замечает. Мне хочется его поторопить, но видение надгробной плиты Брэдли так и не выходит из головы, ярким призраком заставляя молчать.

— Брэд рассказывал о тебе. В те наши редкие встречи. Это он тебя подсадил.

Последняя фраза не вопрос, а утверждение.

Поджимаю губы. Не хочу ничего ему говорить. Кто он такой, чтобы ему вообще что-то рассказывать?

— Как давно ты...

— Поехали, — прерываю вопрос, который я даже слышать не хочу.

Все-таки он вставляет ключ и поворачивает его. Машина мерно заурчала.

— А какая причина? — ему просто интересно, впрочем, многие спрашивают.

Людам попросту хочется знать все грязные подробности твоей гребаной жизни. Им

неинтересно, какая ты личность и что у тебя внутри. Гораздо проще покопаться в белье, вытащить на свет драные штаны, позабавиться или ужаснуться как все плохо у других людей. Или, еще лучше, заявить: «А мои трусы еще рванее, но я же сажусь от этого на наркотики! Посмотрите на него, какой он слабак!».

Мерзость. Ненавижу людей.

Внутри что-то неприятно колет, и я пытаюсь сдержать все те нервные движения, что выдадут с потрохами.

— Причина? — в упор смотрю на него. — Её нет. Нахрен причину. Просто захотелось.

И он кивает. Ни черта не поверив.

Мы двинулись навстречу дому, где меня ждут. Тем, к кому я с радостью спешу.

Впервые за долгое время поднимаюсь в Приют Матушки со странным надломом внутри. Мне больно и горько. Мои раны вновь задеты, коросты, которые только было появились, нагло отодраны и мне по-настоящему больно. Одиночество сдает меня. Но ведь я иду домой, так? Почему каждый шаг дается все труднее? Так, словно ноги мои кто-то держит. Вздыхаю, глубоко и тяжело. В груди рвет от сдерживаемых слез.

— Это революция! Господа! ДА! — громкие выкрики, катающегося от смеха на полу Гоп-стопа, заставляют меня вздрогнуть и пару раз моргнуть.

Сознание проясняется на какое-то время и мне вдруг страшно.

— Последний раз, — повторяю шепотом, словно мантру, эти слова, хотя вдруг понимаю, что не верю в них.

Что случилось? Не могли же недавние события и посещение могилы друга что-то разбудить во мне? Нет. Такие, как я так просто не уходят с той дороги, на которую вышли.

Пудинг удивленно ощупывает свое лицо, сидя, прислонившись к обшарпанной стене и размазывая своими пальцами недавно извергнутое содержимое желудка. Улыбается мне грязными зубами в остатках полупереваренной пищи. И мне впервые не удается сделать то же самое в ответ.

Как всегда приветливый Бобби и его жена учтиво предоставили мне все необходимое за мои деньги.

— Детка, тебе помочь? — спустя какое-то время спрашивает женщина с чересчур ярким макияжем.

А я сижу, тупо пялясь перед собой, замерев, перестав дышать.

Дождь барабанит в стекло, сквозь приоткрытое окно врывается мокрый, специфический запах дождя и уныния природы, который щекочет мои рецепторы. Рука не поднимается, шприц в пальцах просится и стонет по моей вене, счастливые убийцы, дарующие полет нетерпеливо ожидают своей минуты. Левая рука немеет все сильнее, перетянутая жгутом. А мне страшно. Глаза широко раскрываются и фокусируются на двух идиотах, что встретились мне первыми. Гоп-стоп и Пудинг.

— Эйприл?

— Дети, — сипло вырывается у меня в полусшепоте. — Младенцы. Они чьи-то младенцы.

— Ты чего, солнышко?

Я с превеликой горечью кидаю шприц в противоположную стену, с ненавистью

разматываю и отрывисто отшвыриваю жгут. Кричу во всю глотку, пожираемая непонятными мне чувствами. Это гнев, помешанный с сотней колющих сгустков беспомощности и безысходности.

Мы все младенцы этого мира, своих родителей, изначально чистые и невинные.

Отчего-то эти слова прожигают в голове ненавистью, ко всему происходящему.

— Что ты творишь, дура? — Джудит уже визжит. Я загубила отличную дозу, пока, вскочив с места и быстро добравшись до своего шприца, в припадке пыталась растоптать тот ногой.

Все видится мне будто со стороны. Почему меня сорвало? Я не могу найти ответа, и это бесит меня все сильнее, пока я, под крики постояльцев Приюта не выбегаю на улицу. Стремительно, словно за мной гонится чудовище. Прямо под ненавистный мне дождь. Шлепаю драными кедами по мокрому асфальту, разбрызгивая в стороны лужи и пугая редких прохожих с зонтами.

Я рыдаю в голос, кричу и толкаюсь. Безмерно, хочу выпрыгнуть из собственного тела. Оторваться от оболочки. Вместе с видением белой надгробной плиты Брэдли, вместе с мучающими меня вот уже несколько лет воспоминаниями. Уйти от той разрывающей боли, что так неожиданно вскрыла меня ножом.

Спотыкаюсь, падаю посреди тротуара, расставив руки в разные стороны и воплю. Меня накрывает отвращение к себе самой и миру вокруг.

В истерике не замечаю подбежавшего мужчину, осознаю его присутствие только тогда, когда руки пытаются меня поднять.

— Помоги мне, — слова сливаются в сплошные надрывные стенания. — Помоги!

Пальцы впиваются в куртку мужчины и сжимают её в кулаках.

Натан не говорит, что «все хорошо», не успокаивает, а просто дает держаться за него. И тащит в машину.

Акт 4. То, о чем мы жалеем

Меня все еще мелко трясет, а глаза горят недавними слезами. Предвестники боли, ноющие о новой дозе и мозг, желающий забыться, донимают меня мыслями о глупости, которую я умудрилась совершить. Секундная слабость, саднящая в сердце боль от увиденного вновь имени, вывели меня из себя, заставили вырваться из сильного оцепления зоны комфорта. Теперь же, когда шлюз чувств прикрылся и мир снова сер, я ненавижу себя за все это. Мне не нравится сидеть закутанной в одно большое полотенце, раздражает мокрая одежда, липнувшая к телу, а острые тычки ненависти, заставляют хотеть придушить Натана.

Какого черта он вообще там был? Зачем остался? Неужели ждал меня?

Как можно было так поступить с Джудит? Она, наверное, обижена за раздавленную моей пяткой дозу. Меня передергивает от этого воспоминания. А желанное было так близко.

И все же почему так произошло?

В поле зрения ткнулась зеленая чашка с будто мраморными разводами.

— Чай, крепкий и сладкий.

Я игнорирую его, не шевелюсь и стараюсь вовсе не смотреть на кружку.

— Эйприл, это поможет, — доктор настаивает.

— Спасибо, но мне пора, — совсем тихо получается сказать.

Я встаю с табурета, ощущая холод в ступнях, горблюсь и быстро направляюсь к выходу, через его чистую, словно операционный зал гостиную. Правда. Здесь минимум мебели, все вылизано, ни одной крошки или кинутой вещи. Простой бежевый диван, два заурядных кресла, с напольным торшером между ними и стол с небольшим ковром под ним. Все такое...отвратительно бежевое. А в тех мрачных оттенках, что давят на мой мозг, вследствие неудавшейся дозы, заставляет испытывать тошноту.

Я шлепаю по его деревянному полу мокрыми носками и стараюсь уйти отсюда скорее. Чужие дома — мука для моего эгоизма. Только в один дом я готова возвращаться каждый день.

Такие же гулкие шаги я слышу за спиной. Брат моего друга безмолвно следует за мной. И я на долю секунды выдыхаю в облегчении, все же решил отпустить. Сейчас он просто закроет за мной дверь, и я буду молиться, чтобы наши пути больше никогда не пересекались.

Понимаю, что кипельно-белое полотенце все еще на мне и стягиваю его.

— Твое, — разворачиваюсь, протягиваю ему махровый островок теплоты.

Он тяжело на меня смотрит, и только теперь я вижу, что глаза его такого же цвета, как у Брэдли. Коньяк. Этот факт заставляет меня поджать губу. Я помню, как они умеют искриться весельем.

— Что? Я же сказала спасибо. Теперь мне нужно идти.

— Кто ждет тебя дома?

Отвожу взгляд, готовая уже пуститься от этого человека подальше. Его идиотские вопросы меня доканают в один момент.

— Тебе какая разница?

— Кто?

— Я пошла, — грубо кидаю ему и резко разворачиваюсь, уже не в первый раз за полчаса

костеря себя за ту истерику.

Мое запястье хватают и сжимают до боли.

— Кто?

Возмущенно сдвигаю брови.

— Никто, — громко говорю ему в лицо. — Какого черта тебе надо?!

— А соседи?

— Что за идио...ай! Хватит! — мне уже не на шутку больно. Он держит меня так, словно хочет сломать руку.

— Повторяю, что с соседями?

Огрызки паники прямоком впиваются в меня и заставляют начать вырываться, используя весь тот вес, что у меня есть.

Мало.

— Отвянь, козел! Ай! Прекрати! — из глаз брызнули слезы. — Да срать мне на них, равно как и им на меня!

— Значит, никто не заметит?

Замираю и непонимающе пялюсь на него. Я едва набираю в грудь воздуха, чтобы задать простой и логичный вопрос, как Натан резко дергает меня на себя и крепко обхватывает, заключая в кольцо рук и не давая возможности пошевелиться. А затем тащит куда-то.

Недовольные и злобные бурчания вместе с попытками вырваться из цепких лап сбрендившего доктора быстро перерастают в крики и бесполезные истеричные дергания. Понятия не имею, что у него на уме, куда он меня ведет и что будет со мной дальше. Мокрая и грязная челка упавшая мне на глаза мешает видеть, и мир вокруг уже кажется какой-то черной клеткой. Ноги позорно скользят по полу, и никак не удается уцепиться хоть за что-то. Мужчина на удивление нем. Единственное, что я слышу это его немного сбивчивое дыхание над самым ухом.

— Уф, — сдавленно вырывается у него, когда я все-таки попадаю пяткой по лодыжке, и хватка немного ослабевает.

Обычно, я упускаю всяческие возможности, но не сейчас. Я вырываюсь и мчусь навстречу красивой дубовой двери с витражным стеклом, которое больше напоминает мне разбитые бутылки, нежели нечто декоративно-прекрасное. Сердце рвется из груди, будто это не шанс к свободе, а лотерейный билет на миллион долларов.

— Эйприл! — грозно раздается позади.

Не успеваю убежать. Кончики пальцев только задевают металлическую ручку двери, как меня нагоняет спятивший Натан и вновь сжимает так, что воздух из легких просто выбивает.

— Пусти! Нет, не трогай меня, урод!

— Ты ведь опять туда пойдешь! — он так же кричит, утаскивая меня к лестнице на второй этаж.

Цепляюсь за перила лестницы, как кошка, взбирающаяся на дерево от собаки. И блажу не хуже.

— Пожалела уже, не так ли? — пыхтит он над ухом, хватая мои руки. — Думаешь, это было секундное помешательство? И теперь хочешь вмазаться, чтобы забыться?

— Ничего ты не знаешь, придурок! Тебе мозги обнесло. Пусти меня!

Наконец, он справляется со мной и тянет дальше вверх по светлым ступенькам.

— О, я знаю. Помню Брэдли.

— Пожалуйста, отпусти! Что ты хочешь со мной сделать?

— Ничего такого, о чем ты могла бы подумать.

Натан тянет меня дальше по коридору второго этажа. С такими же уродскими бежевыми стенами и светлым паркетом. Сил сопротивляться все меньше, но это не дает мне повода опускать руки. Мы подходим к двери и я, что есть сил, пихаю его спиной на дверь. Мы влетаем в небольшую комнату и валимся на пол. Руки его вновь разжимаются. Мне остается только подскочить и бежать. Опять не успеваю и проигрываю неравную схватку.

Меня грубо отталкивают вглубь комнаты, а затем дверь захлопывается прямо перед моим носом.

Крик отчаяния сотрясает не только саму меня, но и, кажется, стены вокруг. Деревянная сволочь стоит крепко, замок в ней хороший, а мое тощее тело столь слабо, что едва ли его потуги доставляют ей неудобство. Ногти и без того сломанные с еле стертым черным лаком скребут её серую поверхность, оставляя еле заметные следы.

— Посидишь здесь, пока не полегчает.

— Что?!

— Я хочу помочь, Эйприл.

— Но я не просила.

— Напротив. Еще недавно ты молила о помощи, разве не так?

Мои зубы скрипят от немой злости.

— Больно видеть, как человек, которого ты знал еще ребенком, разлагается. Тем более, когда можешь помочь.

Гнев вновь берет верх, и я в который раз кидаюсь на дверь, желая добраться своими бледными руками до шеи того, кто все это говорит.

— Плевать! Ты не можешь помочь! Почему?! Скажи. Какого дьявола ты решил это сделать?

Пауза.

— Ты единственный человек, кто хорошо его помнит. Остальные постарались забыть моего брата. Извини. Но тебе придется пережить это. Это пойдет лишь на пользу. Поверь.

— Да иди ты, хрен собачий, в задницу! Моя жизнь и делаю, что хочу! — все так же бесполезно пинаю дверь. Пальцы на ногах уже болят. — Эй, доктор Палмер, а как же ваша работа? Кто позаботится о других больных?

— Со вчерашнего дня я в отпуске. Давно не отдыхал.

Раздирающий горло вопль вырывается из меня, и тело обессилено плюхается на задницу. Нет. Эта дверь для меня — непроходимая преграда. В комнате с темно-синими стенами, усыпанными звездами и рисунками ракет мне отвратительно. Что за идиотизм происходит? Мне плевать, чья это комната. Она выглядит слишком по-детски со своей небольшой полутораспальной кроватью, с занавесками, повторяющими космическую тематику и белыми пластиковыми звездами на потолке, которые, скорее всего, светятся в темноте. Узнавать, как это выглядит ночью, желания вовсе нет, и я в отчаянии хватаюсь за голову.

И меня осеняет. Окно! Конечно же.

Быстро встаю и двигаюсь к мелкому окошку по которому бьет все тот же пронизывающий холодом ливень. Но мне без разницы. Даже плевать, что второй этаж. Меня ждут, и я хочу извиниться перед Джудит за ту сцену.

Но, кажется, не только я вспомнила о такой выгодной мелочи. Ключ в дверях заскрипел, заставляя замок щелкать. Дрожащие пальцы с трудом справились с простой защелкой на

раме. Он вбегает в комнату как раз в тот момент, когда я перекидываю ногу без обуви через подоконник.

— Помогите! — меня не надо уговаривать, чтобы покричать.

— Упадешь!

— Аааа, пусти!

Но опять, попытка не увенчалась успехом. И через пару секунд я вновь на полу.

— Да что тебе надо? Иди, спасай кого-нибудь другого. Почему я?

— Где твои родители, Эйприл?

Лицо перекашивает от одновременно непонимания и злости. Вскрываю на ноги, готовая ударить его в лицо.

— Да какая тебе разница?

Он спокоен на вид, только потому, как он часто и глубоко дышит можно понять, что это не так.

— Ты хочешь сказать им тоже на тебя наплевать?

— Да! — выкрик получается резкий.

Он какое-то время молчит, видимо, так подталкивая меня продолжать.

— Эти гады бросили меня, как и все остальные. Им дела не будет, даже если я умру.

— Этого не может быть, — Натан немного сердито, не веря, сдвигает брови.

Мужчина медленно отходит к двери спиной вперед, опасаясь, что я опять сорвусь. Он молчит и, кажется, о чем-то судорожно вспоминает.

— Я ведь тебя помню. Ты приходила с матерью в нашу больницу около четырех лет назад, — от этих его слов у меня все стынет внутри. Нет. Только не это. Неужели он знает? — Сидели на стульях счастливые, разговаривали. Я сразу узнал твою мать, она не сильно-то изменилась, а потом и тебя. Ты была беременна. Срок не маленький, ведь я издали увидел твой круглый живот. Жаль, не получилось подойти и поздороваться.

Меня начинает колотить болезненное прошлое. И нижняя губа дрожит от уже еле сдерживаемых эмоций.

— Что случилось?

— Не твое дело, — жалко и неуверенно.

— Где твой ребенок?

— Замолчи.

— Ты героиновая мать? Оставила малыша родителям, а сама во все тяжкие? Почему?

— Заткнись, кому говорю, — мой тон низок и злобен.

— Да? Ты его бросила? Где он?

— УМЕР! — одним громким выкриком срываю голос. — МОЙ СЫН УМЕР!

Глаза наливаются горячими слезами, мне больно держаться, больно дышать, жить больно. Только от этого хочется умереть, забыться вечным сном. Не дышать, не знать, не чувствовать. Сколько раз я пыталась когда-то наложить на себя руки. И Натан видел шрамы у меня на запястьях. Два ребра были сломаны, в попытке разбиться на машине. Под волосами не видно шрама. Сколько раз я травилась таблетками? А сволочь жизнь, все не хотела отпускать меня. Зачем я ей? Зачем она мне?

Палмер замирает, он стоит с приоткрытым ртом, глаза его широко распахнуты. Он шокирован.

— Сукин сын, ты слышал?! Оставь меня в покое!

Задыхаюсь, сквозь слезы, падая на колени, раздираемая ненужной памятью.

— Я...

Уже не слышу, что он там говорит, упираюсь лбом в шершавое ковровое покрытие и обнимаю себя руками. И кричу сорванным, сильным голосом куда-то в пол.

Как же я ненавижу себя.

Он безмолвно уходит, а приведенный в движение электрический моторчик опускает уличное металлическое жалюзи.

Комната с ракетами становится моей тюрьмой.

Акт 5. То, что нас не убивает...

Время. Такое неуловимое понятие. Оно то тянется, то бежит, то ускользает сквозь пальцы, оставляя тебя вне его реки. И тогда ты не знаешь ни часы, ни минуты. Дни сливаются, а жизнь, вдруг становится несущественной. Особенно в твоём знании того, что конец один и тот же. Всегда. У всех. И сейчас я не знаю, живу ли я во времени или же меня снова выкинуло. Лента. Сплошная серая лента из полубреда, боли и сигарет.

Губы истрескались, в глотке сухо, а тело влажное от пота. Не понимаю тот кавардак, что воцарился в голове. Все, что мне известно: я открыла глаза, лежу в кровати, и у меня болит все тело. Каждая клеточка трепещет от боли. Стон сквозь сомкнутые губы, бессвязное бормотание и я зарываюсь в одеяло, кладу сверху на голову подушку и плачу. Почему я плачу? Сейчас уже и не разобрать.

Может, это из-за того, что в прошлый раз, когда я открыла глаза, то увидела мать, которая стояла на коленях у моей кровати и упрашивала меня поехать с ней в лечебницу? Она рыдала, а её глаза, цвета пасмурного неба, что я унаследовала, лили слезы по покрасневшимся щекам.

Или это потому, что Брэдли совсем недавно заходил и шутил невпопад. Мой друг подбадривал меня, совсем по-братски обнимал и гладил мои волосы, успокаивая, что-то ласково шепча на ухо.

Странно, я уверена, что он умер год назад. Но...откуда он в этой спальне?

А сейчас меня разбудил детский плач. Сквозь головную боль и густой туман в мыслях, я протираю глаза и устало беру сына на руки, укачиваю и пою ему колыбельную. Ту же самую, которой мама усыпляла меня до лет пяти:

— Зайка мой, ты спи скорей.

Будем мы с утра бодрей.

Когда солнышко взойдет,

Много нас открытий ждёт.

Поспи и бу....

Резко замолкаю, чувствуя, странную неестественность. Сын на руках смотрит куда-то в потолок, не мигая, шевелит губками и сопит так, будто усердно размышляет о чём-то серьёзном. Эта картина заставляет меня улыбаться. Но потом он переводит взгляд на мое лицо, и я вздрагиваю в ужасе от того, какими безжизненными выглядят глаза у моего ребенка. Крепче прижимаю крохотное тельце к себе, только чтобы прогнать наваждение и почувствовать его тепло.

В следующий момент пораженно, еле сдерживая слезы, смотрю на обычную подушку в моих руках. Наваждение все-таки проходит и это причиняет мне еще бóльшие страдания.

Электрический свет рассекает полумрак в комнате, когда Натан в очередной раз прибегает на мои истеричные вопли.

— Нет, его нет! Почему я не могу его обнять?! Дайте мне моего сына! — наверное, мои крики слышит весь район. Как соседи доктора еще не вызвали полицию? По-моему, я впадаю в припадки каждый день.

— Эйприл, успокойся! — он пытается докричаться до меня и осторожно подходит к дальнему углу, где я неудачно прячусь от всего.

Моя голова взрывается болью.

— Прекрати! У тебя же сотрясение будет!

— Отойди от меня, урод! — игнорирую его руки, хватающие за плечи и вновь со всего размаху бьюсь головой об стену. Лишь бы только все это прошло. Эти видения, они меня убивают.

Ему удастся оттащить меня от стены, и нагое тело начинает колотить от холода в его руках.

— Иди в кровать, Эйприл. Слышишь? Почему ты сняла футболку, которую я тебе дал?

— Мне было жарко, — думаю, он не понимает моих слов за рыданиями. — Мое солнышко, его нет.

Он молчит, поджимая губы и с жалостью смотря на меня.

— Я знаю...

— Натан, мне плохо, — совсем по-детски, всхлипывая и вытирая соленые дорожки на лице, жалуюсь я. — Больно. Все тело ломает. Больше так не могу. Я умираю. Прошу...

Предвещая мои слова, он резко отрицательно мотает головой. Конечно, этот хренов «рыцарь», «благодетель» никуда не собирается меня отпускать. Он решил, будто таким образом спасает меня, излечивает. Каждый раз я говорю, что уже поздно, но он не слышит и продолжает держать меня взаперти, приносит еду в пластиковых тарелках, внимательно следит пока я не начну есть. Но мне не хочется совсем. Я лишь желаю отсюда выбраться и уйти назад. Вернуться к тому, от чего убежала. Мне не важно, каких демонов он душит в себе, думая, что спасает мою жизнь. Или это страдания по тому, что не смог помочь брату, или та непонятная хрень, что заставляет врачей помогать людям, может он просто извращенец и упивается моей ломкой. Кто знает. Мне плевать. Здесь он держит меня незаконно, это уже уголовное дело. Чертовски везет Натану, что никому давно уже нет до меня дела. А сколько я здесь торчу.

— Дай мне хоть что-нибудь! — вновь повышаю голос.

— Сядь, — спокойно говорит он и тянется к карману джинсов.

Знаю, что там у него. Мне это не нужно. Поэтому, когда он пробует протянуть мне пачку, я взвинчиваюсь, стучаю по его руке, переходя на уже привычный в этом доме крик.

— Достали меня твои сигареты, они не помогают!

От неожиданного удара он разжимает пальцы, и пачка с глухим звуком падает на ковер.

Не знаю, из чего этот мужчина сделан. Наверное, из куска гранитной терпимости. Если бы я была на его месте, то давно бы уже сдалась и отпустила на все четыре стороны...или лучше пристрелила. Натан сдержанно выдыхает через нос, однако я вижу, как в злости он сжал челюсти.

Пару раз он давал мне какие-то таблетки, от которых я быстро засыпала, но потом перестал это делать. И их место заменили сигареты. Поначалу я дымила так, будто это единственное в мире, что может унять терзания в моем теле, но ломка не облегчалась ни на йоту. Как ни странно, он и сам затягивался вместе со мной.

Мое тело желает лишь одного. Мы оба это знаем. И в его силах прекратить мои припадки, этот мужчина может сделать меня счастливой. Достаточно лишь просто позволить мне уйти. Но я даже не заслужила того, чтобы окно в моей комнате с отвратительными ракетами было открыто.

— Я уже хрен знает, сколько здесь нахожусь! Мне ничего не помогает. Еще немного и я свихнусь или умру, — голос дрожит от напряжения. Как же он не понимает? — Поздно,

Натан. Мне не помочь.

— Никогда не поздно, — доктор смотрит мне прямо в глаза. Он верит в то, что говорит. — Слышишь? Никогда. Поверь в это и сама почувствуешь, что ты все можешь. У тебя нет ВИЧ, нет гепатита, ты чиста, кроме, конечно этой наркотической дряни в крови. У тебя все еще может быть.

Мне смешно.

— Все продолжаешь убеждать себя...

— Да пойми ты, — неожиданно громко вспыхнул Натан, вновь крепко хватая меня за плечи, — не себя я убеждаю, а тебя. А ты, как страус, засунула голову в песок и не желаешь слушать ничего из всего того, что я тебе говорю. Смеешься надо мной. Ведешь себя, как настоящая дура.

— Так отпусти.

— Что? — он удивленно моргает.

— Отпусти, — просто говорю я, сбрасывая его ладони с обнаженных плеч. Странно, что меня вообще не смущает собственная нагота. — Я не желаю излечиваться. Не хочу слезать с того, что может дать мне хоть грамм счастья. Ты сам прекрасно должен знать, что если человек не желает выздоравливать он и не станет. Разве не так?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он прищуривается.

— Иногда это убеждение ошибочно. Вот увидишь. Сейчас у тебя переломный момент. Переживешь все это и поймешь, что я был прав.

— Ты идиот, — громко фыркаю, я и все же поднимаю обиженную мной пачку сигарет. — Почему не крепкие?

Спустя какое-то время весь мой мир перевернут. Все вокруг стало верх тормашками. Натан на простом стуле сидит на потолке, там же небольшой светильник на тумбе, мультяшные шторы тянутся к потолку, а фосфоресцирующие звезды где-то подо мной. А может все такое, потому, что я лежу на спине, а голова моя свесилась с кровати?

Долго затягиваюсь, чуть прикрывая глаза. Меня тошнит от таких кульбитов. Лицо уже стало красным и предостережение Натана я, конечно же, пропустила мимо ушей. Он курит вместе со мной. На мое резонное заявление, что врач не должен курить он ответил, что на самом деле врач должен говорить пациентам, что курить вредно, но сам придерживаться этого вовсе не обязан.

Мне почему-то смешно и вот уже как минуту я хихикаю над этим.

— Ты сам пробовал дурь, Натан?

— Ничего страшнее травмы на первом курсе Меда, — пожимает плечами и смотрит куда-то себе под ноги.

— У тебя есть немного?

— Нет. Даже не думай.

Мне кажется или он рад тому, что у меня минутное просветление? Я сама чувствую, что скоро это спокойствие кончится и меня опять скрутит. Все же боль никуда не уходит. Просто чуть гложет.

— Я тебе нравлюсь?

И вновь его удивленный взгляд.

— Я иногда поражаюсь, откуда в тебе возникают эти вопросы, — мотает головой доктор Палмер. — Почему ты так решила?

Выдыхаю дым, чувствуя, как кружится голова, а тошнота подступает все сильнее.

— Ну, не знаю. Может, понадеялась, что я тебя соблазню, и ты позволишь мне уйти.

Он легко смеется и топит сигарету в пепельнице, которая стоит между нами. Садится обратно. Натан ждет, когда я докурю свою. Он боится, что я спалю его дом, не затушив маленький огонек смерти.

— Смешно, значит, — можно легко прочитать угрозу в моем приглушенном голосе.

Одной рукой откидываю одеяло, прикрывавшее меня, и подмигиваю невозмутимому типу. На мне только трусы. Он ведет себя так, словно я это делаю по пятьдесят раз на дню и вовсе не удивлен. Сгибаю ноги в коленях, закидываю одну на другую и вновь затягиваюсь, глядя на него в упор. Сигаретный дым вновь вырывается из моего рта.

— Давай так, — стараюсь говорить как можно сексуальнее, только плохо, что практики не было давно, — я даю переспать со мной, а ты отпускаешь меня. — Быстро переворачиваюсь на живот, отчего чуть не падаю в обморок. — И я даже не пойду в полицию, чтобы написать о похищении.

— Ничего не выйдет.

— Почему? — сползаю аккуратно с кровати, встаю на четвереньки, лишь бы меня не вывернуло, не чувствую сил в ногах. — Не нравятся женщины?

— Нравятся, — говорит он, наблюдая, как я подползаю к пепельнице и стряхиваю серость с сигареты. — Не нравятся только те, кто собой за что-то платят.

Тяжело дышать, очередной приступ вот-вот накатит, и я впаду в беспамятство. Соглашался бы уже, пока мои мозги будут блуждать в очередных потемках. Сейчас я кажусь сама себе какой-то шлюхой. Но это уже не важно, ниже-то мне падать некуда. И дико хочется дозы.

Медленно подползаю к нему, опираюсь ладонями о мужские колени и привстаю до уровня глаз Натана. Сигарета, зажатая меж двух пальцев, чуть дымит, прижимаясь фильтром к его ногам в джинсах.

— Наверное, тебе просто никто не предлагал, так? — наши никотиновые дыхания перемешиваются, когда я приближаю свое лицо к его. — Но вот она я, перед тобой, голая и готовая. М? Дальше будешь проповедовать мораль?

Его взгляд на секунду устремляется к моей груди, а потом он снова смотрит на меня. С довольной улыбкой беру сигарету в рот, заметив, как он сглотнул слюну. Мужчины такие... предсказуемые.

— Ну, давай, сделай, что хочешь.

— Чего хочу, да? — медленно говорит он, поднося руку к моему лицу и доставая изо рта сигарету. — Как скажешь, Эйприл. — Он обхватил губами сигарету и затянулся. — Вставай и иди к кровати, ложись и жди.

Белое облачко встретилось с моим лицом.

— Я..я...

— Давай не томи, Эйприл. Хочу, чтобы ты лежала на кровати, окей?

Мне странно. И я откровенно не понимаю, от чего меня потряхивает, от страха, холода или начинающейся волны боли и бреда? Правда, я не ожидала, что он согласится. Честно, я не готова вообще к такому повороту, просто в какой-то момент подумала, что будет разумно добиться от него какой-то подобной сделки, и вся эта затея спонтанна.

Муть в голове, не дает нормально мыслить, где-то боковым зрением я вижу Брэдли, который, так же как и мы курит и ухмыляется. В одно мгновение я покрываюсь капельками

пота, и мне становится страшно душно и жарко. Кровать теперь для меня становится монстром.

Что же я делаю?

Ложусь на спину и со страхом смотрю, как мужчина приближается ко мне. На полпути наклоняется и поднимает с пола пепельницу, тушит остаток сигареты и продолжает движение. Рука доктора берет что-то рядом со мной, и я с еще большим удивлением обнаруживаю, что меня укрывают одеялом.

— А теперь попробуй уснуть, так будет легче. Вот чего я хочу.

И Натан просто уходит, в который раз запирая дверь на ключ.

А я продолжаю трястись и закрываю лицо ладонями.

— Какая же я дура.

Затем приходят самые ужасные муки, что я только испытывала.

Акт 6. О тех, кого с нами нет

Тягучая, темная кровь быстро заполняет шприц, мне холодно в том месте, где игла вошла в вену. Скучное зрелище, если честно. Клонит в сон после всего-того, что я недавно пережила. Хочется, наконец, по-настоящему выспаться и, как ни странно, поесть. Натан отложил в сторону жгут, внимательно наблюдая за моей кровью в его руках.

— Так, — он аккуратно достает толстую иглу и прижимает ватку, пропитанную спиртом к коже, — согни в локте.

Вокруг свежего прокола легко видны следы оттого, что я недавно сама себе ставила. Побледнеют ли когда-то эти темные точки? Кажется, что я родилась с ними. Уже так привыкла к собственным рукам без единого намека на живое от укола место.

Последний бред был долгим. Волосы ужасно спутаны, глотка саднит, а глаза слипаются от усталости. Мне чудились странные картины. Незнакомые мне люди приходили в эту комнату и разговаривали со мной в тот момент, пока меня колотило на кровати, заставляло ворочаться, тяжело дышать и потеть. Будто кто-то выставил температуру в комнате до «сдохни, человечиска». Вот уж не знаю, приходил ли в те моменты Натан, но когда я проснулась, то окно в комнате было открыто, а в воздухе витал стойкий запах каких-то лекарств. Он мне что-то давал? Колол? Из-за рези в глазах я так и не смогла найти свежих проколов на коже.

Сегодня утром, как только я открыла глаза, он пришел ко мне с набором юного лаборанта.

— Зачем ты берешь у меня анализы?

Натан захлопывает крышечку непонятной пластиковой пробирки, которую еще недавно присоединял к игле.

— Кровь многое может рассказать о состоянии человека, — говорит мужчина дежурно, убирая в маленькую квадратную термосумку кровь и баночку с мочой, которую я недавно заполнила. — Тебе заметно стало лучше, Эйприл. Стоит посмотреть.

— Ты сейчас будешь проводить всякие... как это называется?

— Нет, — усмехается доктор Палмер, застегивая сумку и вставая с моей кровати. На мгновение я забыла, что рука лежала на его колене, и теперь она плетью падает вниз. Я все еще испытываю слабость. — Ты же не думаешь, что у меня дома есть реактивы? Я в больницу быстро смотаюсь. Отдам это Хэйли и сразу обратно. Я очень скоро вернусь.

— И ты не боишься оставить меня в доме одну?

Он мотает головой, глядя на меня сверху вниз.

— Шесть часов бодрствования вчера, сегодня без каких либо отклонений. Не думаю, что твое состояние резко ухудшится в ближайшие двадцать минут. А потом, я уже буду дома.

Доктор быстро выходит из комнаты, ничего не говоря на прощание. Я же падаю на спину и закрываю глаза. Может еще поспать? Призраки памяти остались где-то в тех минутах, что я корчилась в бреду и полусознании. Сейчас я на удивление спокойна. Только вместе с утихающей болью проходят и вкус, и цвет вокруг. Единственное, что говорит о том, что я еще живу, так это расшатанные чувства, которые сейчас чуть притупились. Возможно, в силу недавних сильных переживаний и истерик.

Вчера я узнала — прошло всего полторы недели с моего появления в этом доме. Хотя

кажется, будто это были долгие месяцы. Так часто я проваливалась в сон и просыпалась, что становится трудно различить сутки.

Не могу заставить себя спать. Открываю глаза и смотрю на светлый потолок, который ночью становится похожим на нарисованное ребенком звездное небо. Хочу ли я дозы? Да, хочу. Только это уже стало не болезненной потребностью, а стойким желанием. Мне нужно просто притвориться.словно я и вправду избавилась от собственных демонов. Чаще улыбаться, что ли?

Живот урчит какую-то грустную песню. А я с ужасом осознаю, что не слышала, как щелкает замок в двери комнаты, что стала моей тюрьмой.

Медленно поднимаюсь и смотрю на её серое дерево с недоверием и надеждой. Почудилось или он забыл?

Медленно поднимаюсь и шагаю босыми ступнями к преграде. Кончики пальцев немеют от напряжения в те секунды, что я тянусь к её ручке. Затаив дыхание, я поворачиваю медный кругляшек и легко тяну дверь на себя.

На не заперта!

Чуть ли не задыхаюсь от радости, выглядывая в бежевый коридор.

— Натан? — громко кричу, но он не отзывается.

Значит, точно уехал.

Быстро, насколько это позволяет мое ослабленное прошедшей ломкой состояние, бегу к входной двери и разочарованно бью по витражному стеклу. Здесь доктор Палмер не забыл закрыть. Обойдя дом, так и не нахожу ни одной открытой лазейки. Все наглухо заперто, а выбивать окна не вижу смысла. На улице пасмурно и, скорее всего, холодно. Деревья пестрят желто-оранжевой листвой. Сильный ветер безбожно срывает «одежду» с растений, кидает под ноги прохожим, для того, чтобы листья втоптали в грязь. А люди проходят и даже не замечают, что попадает им на пути. Кому есть дело до листочков? Несущественное и увядающее. Промозглый вид не тянет гулять в майке и джинсах. Тем более я не могу найти свою обувь.

Неожиданно накатывает слабость. Сильная и безжалостная. Еле поднимаюсь по лестнице, держась за перила. Тяжело дыша, иду куда-то. Так же быстро меняется настроение. Все становится вдруг таким... печальным и безжизненным, что мне хочется плакать. И я плачу. От боли во всем теле, от зудящих повсеместно вен, от пережитого когда-то и несправедливости. Натан не имел никакого права оставлять меня вот так одну. Не смел даже запирает в комнате. Мне хочется дозы, непреодолимо и это тоже печалит. Проходит ли это вообще? Могу ли я заставить себя не хотеть? Как не испытывать всего этого?

В голос реву. Ноги сами несут меня куда-то. Я не могу вспомнить, где та комната с ракетами и толкаю ближайшую ко мне дверь.

Хочется вскрыть себе вены.

Это спальня. Явно его. Того козла, что держит меня. Приходит ярость и, еле держась на ногах, я подхожу к его кровати и с криком срываю с неё покрывало, скидываю одеяло, топчу его ногами и стягиваю простынь вместе с подушками.

— Будь ты проклят!

Сердце колотится, меня кидает в жар и на ногах становится невероятно трудно стоять. Падаю в ворох белья, что теперь скомканным нечто валяется на полу и снова плачу. Это меня убивает.

Сквозь слезы, что заставляют картинку перед глазами расплываться, я вижу какую-то

тетрадь в темно-синей обложке, на которой крупными буквами написано мое имя. Наверное, она лежала на кровати. Резко успокаиваюсь и отупело смотрю на нее.

Листы зашелестели в моих руках. Мне интересно, что это он пишет в ней. На первой же странице мелким и каллиграфическим почерком надпись «День 1».

— Какого?

День 1.

Она грубит. Девушка раздражена, нередко наступают моменты сильной агрессии. Не могу точно сосчитать время с последнего приема дозы. Скорее всего, около 20 часов назад, если судить по времени её поступления с передозировкой. На лицо начальная стадия абстинентного синдрома. Эйприл сидела на героине. Как долго? Ломка должна быть очень сильной.

День 2.

Озноб, увеличенные зрачки, боли в мышцах и паническое состояние. Эйприл не ест. Говорит, что не хочет. Запустила в меня светильником с тумбочки. На время убрал все опасное из комнаты. Надеюсь, она продержится дольше Брэдли.

Вечером было бредовое состояние. Поднялась температура, появилась сильная потливость.

День 3.

Ночью подняла меня криками. Хотя, я и так не спал, дежурил у дверей. Говорила, что не хочет надевать синее платье. Что за платье? Ударила по лицу и громко кричала о том, что ей больно. После отметил у нее сильный зуд. Жалуется на головную боль и мышечную. Говорит похоже на состояние, когда отлежишь руку. Все время мечется по комнате. Затем лежит минут двадцать, стараясь уснуть. Минуту тишина и снова мечется по комнате. Просит её убить или дать дозу.

День 4.

В полпятого утра её начало рвать. Обильно, водой. Больше ничего не желает ни есть не пить. Еле вливаю в нее жидкость. Куриный бульон оказался у меня на одежде и был разлит по полу. Она пообещала меня убить. Стала более чем агрессивной. К вечеру жаловалась на сильные боли в кишечнике. Частые позывы в туалет. Пришлось выломать замок после последнего её похода. Обнаружил без сознания на полу. Обошлось без приема лекарств. После опрыскивания холодной водой и нашатыря пришла в сознание и, в который раз, накричала.

Эйприл выглядит изможденной и больной. Кожа сухая, серого цвета, глаза впавшие.

Мне становится стыдно, и я скорее пролистываю на последнюю запись.

День 10.

Двенадцать часов беспробудного и глубокого сна. Впервые за все время. Ни криков, ни разговоров сквозь сон.

Эйприл сильно похудела. (Не забыть взвесить, как только проснется). Да и я, наконец, выспался.

Девушка проснулась после полудня и попросила еды. Ела долго и тяжело. Бульон с хлебным мякишем. После взвесились. Потеря в весе около семи килограмм. На данный момент вес составляет 44,5 кг. При учете роста это сильная дистрофия. Так же отмечается дисфория и астения. Как будет спать этой ночью?

Поспрашивал у знакомых наркологов и психотерапевтов. Говорят, что синдром может длиться больше двух недель. Остаточные или отголоски синдрома могут продолжаться и вовсе несколько месяцев. И все же. Она держится дольше Брэдли.

— Интересно? — раздается над головой, и я пытаюсь сфокусировать взгляд на Натане.

— Сколько он продержался, Нат?

Мне не сколь ни стыдно, что хозяин комнаты обнаружил меня нагло читающей его записки. Все же он виноват, что запер меня.

— Нат? — удивляется доктор этому обращению. — Пойдем, на кухню. Думаю, нам стоит откровенно поговорить, согласна?

Я киваю и недоверчиво смотрю на подставленную мне руку.

— Не знаю, в какой момент Брэд вдруг сломался. Никто из нас не заметил, что его гложет какая-то проблема. Он был таким же, как обычно. Говорил так же, шутил. Ничего не выдавало в нем той крайней степени депрессии. Я тогда жил отдельно, в квартирке на Веллингтон-стрит, но часто приходил сюда в гости. Родители говорили, что Брэдли вроде как нашел девушку, перестал ночевать дома и иногда стал занимать у них на подарки. Я даже радовался за него, пока, наконец, в один из визитов не застал его дома. Увидел, как он совал к себе в рюкзак вазу, которую бабушка завещала отцу. Тогда он мало походил на того Брэдли, что я знал. Когда мы поняли, что происходит, было уже поздно. На контакт он не шел, перестал вообще появляться. Всего однажды нам удалось с отцом его поймать и насильно отвезти в клинику. После взятых анализов мы с ужасом узнали, что у него ВИЧ. Беспорядочные связи, не одноразовые шприцы, сама понимаешь.

Натан вдруг затихает, и его пальцы впиваются в кружку так, что костяшки белеют. Я же сижу напротив него в моей руке точно такая же чашка с крепким чаем, на столе тарелка с двумя сэндвичами. Хватаю его эмоции, жадно слушаю и понимаю, что позади у него не самые лучшие времена. О болезни Брэдли я ничего не знала. Он никогда мне не рассказывал об этом.

— После неудачной попытки положить его в клинику, Брэд вновь пропал. Мы искали его, обходили весь город в поисках некоего «Приюта», но тщетно. Идти в полицию было очень плохим вариантом, поэтому об этом почти не думалось, — мужчина смотрит куда-то перед собой, взгляд потерянный и задумчивый. Кажется, Натан сильно любил брата. — Мы с родителями решили, что если он объявится, то вести мы должны себя крайне жестко. Время

шло, его не было. Родителям пришлось уехать на время — в Канаде скончалась теть Сью, как оказалось не имевшая наследников и живых близких, кроме них. Тогда-то и объявился брат. Он не знал, что я временно переехал обратно. Брэдли решил стащить что-то и ночью пробрался в дом. Вот именно в тот момент я решился, и я запер его в комнате. В общем, как с тобой. Вот только я никак не ожидал, что собственный брат попытается меня убить. Через пять дней, несмотря на его тяжелое состояние и сильное истощение наряду со слабостью, Брэдли умудрился подкараулить меня у самых дверей и, когда я зашел к нему в комнату, он набросился на меня с будильником. Знаешь, такие тяжелые железные старые монстры. Думал, он не перестанет бить меня им, пока не проломит череп. В общем, — он вздыхает и странно трогает макушку, словно там у него что-то болит, — пока я приходил в себя, брат уже сбежал.

— Пошел в «Приют», — непонятно зачем говорю сама себе.

— Да, — Палмер долго на меня смотрит и отпивает из кружки. Мне кажется, что его руки трясутся. — А через два дня он поступил ко мне с сильной передозировкой и умер, — голос его слегка провис, — так и не придя в сознание.

Я кусаю нижнюю губу. Мне страшно жалко Брэдли и невыносимо хочется его увидеть. Сложно поверить, что такой счастливый и веселый по жизни парень мог такое сделать и...

— Я его понимаю, — слабо и жалко говорю вслух свои мысли.

— Что?

— Ну, я тоже до сих пор хочу тебя убить. Мне кажется, ты поступил очень плохо, оградив меня от семьи и не давая то, чего я хочу. Только вот я слабая, а ты здоровый парень и быстро скрутишь меня в бараний рог.

После этого мы оба долго молчим, думая каждый о своем. Тишина, зависшая на кухне, не кажется мне напряженной. Молчать с ним, почему-то удобно. Я допиваю чай, только от него мне становится только хуже. Во рту появляется противная горечь, и аппетит тут же пропадает. Сандвичи уже не манят своим видом.

Корчусь и с отвращением отодвигаю, пустую, как моя жизнь чашку от себя.

— А давно вы встретились снова? — доктор в упор смотрит на меня.

Мне не хочется с ним об этом говорить. Я знаю, к какой теме бесповоротно придет этот разговор. Настроение снова портится, проваливаясь в бездну отчаянной тоски.

— Три года назад.

— И, он посадил тебя.

— Я сама. У меня был выбор, и я его сделала, Натан. Не скидывай вину на него. Брэдли был моим другом.

Палмер ставит кружку на стол, ударяя ей о поверхность так, что несколько капель чая выплескиваются наружу.

— Ты села на героин, потому, что потеряла ребенка?

Коротко киваю, глядя под ноги. Вот оно мое оправдание. Моя боль, с которой я никак не могу справиться. Это событие настолько выбило меня из привычного мира, убило огромный кусок души, а другой заставило гнить и агонизировать.

Натан не спрашивает подробностей, не лезет когтями внутрь, а просто стоит где-то тут в комнате, пока я плыву вместе с окружающей картиной. Эмоции вновь берут верх, глаза увлажняются, а сознание на секунду меркнет так, словно я сейчас упаду в обморок. Мне так плохо, не смотря на то, что это было несколько лет назад.

Шумно выдыхаю, задрав лицо с закрытыми глазами к потолку и всеми силами моля,

чтобы он упал на меня и раздавил, к чертям собачьим.

— Я училась в художественной академии Детройта и там встретила парня. Думала, что у нас все будет хорошо, тем более он клялся, будто после выпуска мы сразу поженимся. Я любила уголь и наслаждалась маслом, он шел тропой акварели. Я была не из тех дурочек, что верят на слово парням, но даже не могла подумать, что после того, как он узнает о моей беременности, то так быстро свалит. Попросту перестал со мной общаться, перед тем сказав, что раз я решила оставить ребенка, то он не хочет иметь к этому никакого дела, — спокойно дышу, зная, что это меня не задевает уже давно. Глаза мои открываются, и так же спокойно смотрю на доктора. — Мне пришлось взять академический отпуск, чтобы родить и несколько месяцев побыть с малышом. Семья скептически отнеслась к моему приезду домой. Но они готовы были помогать мне. Беременность шла хорошо, роды прошли обычные, без осложнений. Сын, даже успел полежать у меня на груди и, — в горле перехватывает, и несколько секунд я пытаюсь восстановить дыхание, и каждое следующее слово дается мне с трудом, — первый раз приложиться к ней, а потом...я не знаю. Он вдруг начал задыхаться и...и...его унесли от меня.

Я умолкаю не в силах больше говорить и, прикладывая дрожащие холодные пальцы ко рту, зажмуриваюсь.

— А потом ты узнала о...

— Да, — с трудом сдерживаю все те чувства, что горячей волной разливаются по венам.

Я помню это так же отчетливо, как сегодняшний день. Помню маленький темный пушок на крохотной голове, белые ногти, мутные темно-синие глаза и маленькие губки, которыми он причмокивал, пока кушал.

И это воспоминание рвет меня на части. В который раз. Я не привыкла к боли, как все говорят, она не притупилась со временем. Эти все высказывания кажутся мне полной чепухой. Боль остается с тобой навсегда. Это неоспоримо.

— Эйприл, — мое имя звучит тускло.

Ни звука, ни слова больше. Должна быть тишина, но нет: виски сдавливают, в ушах шумит, а сердце сильно и тяжело стучит в груди, будто заключенный ударяет по клетке. Для меня тишины нет. Это понятие абстрактно.

— Дерьмо, — четко говорит Натан. Удивленно смотрю на него, сквозь расплывчатую пелену накатывающих слез. — Оно случается.

Это не сарказм, не утешение. Он просто констатирует факт. Первый человек на моем пути, не лезущий с утешениями уверениями, что время вылечит рану. По его глазам видно об осведомленности, что все рассказы о излечивающем свойстве времени — хрень собачья.

Выдыхаю, тяжело откидываясь на спинку стула.

— Из-за этого у тебя порезы на запястьях?

Киваю, глядя в никуда, пережевывая себя.

— Сколько раз?

— Четыре: вены, машина, таблетки...дважды, — пустым взглядом смотрю на Натана, впрочем, не ожидая никакой реакции. — Назовешь слабой?

Палмер мотает головой:

— Вообще высказываться не стану. Не знаю, каково это для тебя. Мы разные. Там, где ты предпочтешь уйти, я останусь и наоборот. Но героин...это никогда не выход.

— Наилучший выход, Нат.

Секунда молчания и тяжелого взгляда.

— Начни жить сейчас...

— Поздно, докто...

— НИКОГДА НЕ ПОЗДНО! — неожиданно кричит он так, что в ушах звенит, а подскакиваю на месте. — Черт подери, сколько можно говорить, упертая дура? Будь сильной и покажи всем, что можешь переступить через все и не быть, а ЖИТЬ дальше.

— Не хочу, — низко и злобно.

Он усмехается, опираясь на руки, чуть привстает и наклоняется в мою сторону.

— Я понял, — во взгляде доктора что-то заставляет меня поджать губы, внутреннее сотрясаясь. — Понял, почему ты осталась одна. Родители так же бились за тебя, так же пытались вразумить, надеялись и всеми силами умоляли, просили. Но ты, как каменная стена идиотизма и нежелания, плевала им в лицо и корчила из себя самого страдающего в мире человека. Так? Никто тебя не бросал. Мать была с тобой, когда ты приходила на плановые осмотры в нашу больницу, отец решительно боролся за дочь, когда она подседа на дрянь, они оба сходили с ума, переживая, а сейчас попросту отчаялись и опустили руки, пытаюсь сохранить хотя бы то, что у них осталось. И знаешь что? Это нормально. Ты не захотела их слушать. Ты сама, понимаешь? САМА отвернулась. Эгоистично и нагло решила подохнуть, не подумав о чувствах других.

Меня трясет от его слов, гнев внутри кипит и желание бросить кружку прямо ему в морду все сильнее.

— И сейчас ты бесишься только потому, что я говорю правду. Ты знаешь, что ты неблагодарный ребенок и сраная эгоистка.

— Заткнись, идиот, все не так! Ты ни хрена не знаешь! Заткни свою пасть, ублюдок! — вскакиваю со стула и так же, держась за стол, кричу на мужчину.

— НЕТ! Если все не так, то, сука, встань на ноги и переступи все дерьмо! Не поздно понимаешь? НИ-КОГ-ДА! Еще можешь слезть с наркоты, можешь прийти к родителям можешь пойти учиться дальше и можешь иметь свою семью. Такое случается, редко, но случается и ты не одна. Держись близких. Если не видишь смысла продолжать жизнь, то сделай тогда их своим смыслом. Живи ради мамы и папы. Это сложно, но возможно.

Мне нечего сказать на это и я не нахожу ничего лучше, чем все же запустить долбаную кружку в него, Натан уворачивается и неожиданно посылает мне в ответ свою, обе взрываются осколками и светло-коричневыми брызгами недопитого чая. Физически чувствую, как что-то во мне щелкает, и начинаю орать, подхватывая тарелку с сэндвичами, стартуя непонятную войну с этим человеком. А сдержанный до того доктор, вторя моему крику, разъяренно рычит. Руки Натана хватаются за край стола и переворачивают его к чертям. Мне остается лишь испуганно отпрянуть.

— Давай, что еще кинешь?! — лицо его покраснело, вены на лбу вздулись, а плечи напряжены в тот момент, когда он решительно двигается в мою сторону, широкими шагами.

Позорно разворачиваюсь и бегу наверх. Стараюсь хлопнуть дверью как можно сильнее.

Меня трясет, сильно и невыносимо противно. Буря никак не утихает внутри. Всего пара секунд и все выливается в громкие рыдания. Я знаю, что все его слова — правда. Знаю давно. Но когда слышишь их от другого человека, когда истину кидают тебе прямо в лицо и тыкают мордой в собственное дерьмо, это чертовски выбивает тебя и заставляет стыдливо съеживаться в уголке, тихо ненавидя себя. Когда кто-то вообще знает или видит твои ошибки... дерьмо, это полное дерьмо, которое злит тебя сильнее всего остального.

Не знаю, сколько проходит времени, но когда я заканчиваю кусать зубами подушку и

лить слезы, а моя голова раскалывается на части от боли, то замечаю, как что-то сверкает. Сначала в комнате, а потом понимаю, что это с улицы.

Кто-то вызвал полицию?

Пораженно выглядываю в окно. Точно, зад стандартного полицейского форда стоит у нашего дома.

В следующую секунду по внутренностям дома разносится звонок.

Выхожу в коридор.

— Доброе утро, мистер Палмер, — низкий голос полицейского звучит достаточно громко, чтобы я могла различить слова. — Я офицер Ридли. Ваша соседка, миссис Брайт сообщила, что слышала крики и шум у вас в доме.

Осторожно спускаюсь по лестнице, видя застывшего у входа Натана. Меня ужасает бардак в гостиной. Опрокинутое кресло, осколки вазы, сдернутый со своего места ковер и диван. Что тут, мать твою, произошло?

— Мисс? — полицейский замечает меня через плечо доктора. — У вас все в порядке?

Водянистые глаза офицера выжидающе смотрят на меня. Нужно лишь рассказать ему о происходящем. Меня держат здесь силой, меня мучают и издеваются. Только и всего. Мой билет на волю сам пришел ко мне в руки. Спасибо, некая миссис Брайт, я пришлю вам подарок.

— Мисс, у вас все в порядке? — повторяет офицер свой вопрос.

Я еле улыбаюсь.

— Да, — легко выдыхаю, глядя на напряженную спину Натана. — Обычная ссора, офицер. Он иногда бывает полным идиотом.

— Мистер Палмер, есть причины для беспокойства?

— Нет, офицер.

— Натан, дорогой, это, что девушка? Я не знала, что у тебя кто-то появился. — Я не вижу, обладательницы этого старого и скрипучего голоса, наверное, она прячется где-то за спиной тучного офицера полиции. — Возвращалась с собрания нашего общества по продвижению слова Господня, и услышала, как у тебя в доме кто-то кричит.

— Миссис Брайт, спасибо за беспокойство, но вы преувеличиваете, мы просто громко разговаривали.

Полицейский поворачивает голову куда-то вбок и обращается к невидимой для меня женщине:

— Миссис...

— Ничего страшного, офицер Ридли, ему можно верить. Мальчик хороший, вырос у меня на глазах.

— Ясно. Запишу в протокол, — мужчина за дверьми, вздыхает. — Извините, мистер Палмер. Поставьте подпись здесь, и я вас оставлю.

— Хорошо.

Нат расписывается и закрывает дверь.

Когда он оборачивается ко мне, то я вижу на его лице откровенное недоумение. Он тоже удивлен, что я не сдала его. Что ж я чувствую то же самое. Вновь молчание. Удобное и простое. На лбу у доктора выступил прозрачными капельками пот, лицо все такое же красное, как в тот момент, когда я убежала от него.

— Ты псих? Что с гостиной?

— Почему?

Сглатываю горькую слюну и пожимаю плечами.

— Я попробую, Натан. Просто не знаю, что еще делать.

Мы оба этому поражены и, наверное, одновременно рады. Возможно, я еще передумаю, может быть, мое настроение резко сменится уже через полчаса, но...я и в правду не пробовала. Жить.

Акт 7. Те, к кому всегда можно вернуться

Свалка. Дурно пахнувшая, грязная, в обрывках подобия жизни, ничто. Скучная груда мусора. Это я вижу, когда возвращаюсь в свою квартиру. Странное, однокомнатное нечто, которое изрыгнула моя зависимость и нежелание примириться с реальностью. Так выглядит поле битвы с тем, что меня окружало. Возможно, когда-то здесь была жизнь, когда-то властвовал порядок, но эти времена далеко-далеко в прошлом. В месте, подобном сну.

Мне отвратительна внутренняя составляющая комнаты, где я когда-то переживала часы до следующей дозы. Она наглядно ярко показывает, какой была моя душа...какой остается, где-то глубоко внутри. Там, где закопано желание вернуться в «Приют», там, где в предсмертных муках корчится желание пустить по вене.

Сложно поверить, что прошло чуть больше месяца с моего последнего появления здесь. Я морщусь от неприятного запаха старого мусора и спертости. Пыль, побеспокоенная моим визитом, светлыми крупинками летала в лучах осеннего солнца, последнего теплого в этом году. Впереди была зима и что-то новое в моей никчемной жизни. Без особой любви я оглядываюсь и понимаю, что больше здесь мне делать нечего. Попросту стоит все сгрести в один огромный мусорный мешок и выбросить куда подальше, чтобы энергия, что витает здесь долгое время, улетучилась к чертям и не пристала к следующим владельцам. Я настойчиво готова продать ненужное имущество — единственное, что у меня есть.

Мне куда легче стало дышать, куда яснее мыслить и отголоски прежнего грязного желания все реже мучают сознание. Нет, я не освободилась, но оковы теперь держат не так уверенно, как раньше.

Сейчас я безмерно благодарна человеку, который, не побоявшись последствий, запер у себя в доме наркоманку с манией самоубийства. Так же сильно стыдно за все то, что ему пришлось пережить от меня. Но доктор Палмер — как он сам уверяет — не держит никакого зла, он попросту рад, что хоть что-то у него вышло.

Неделя, прошла с того времени, как Натан вернулся на работу. И эту неделю я продолжала жить у него. Он не был против ни капли. Первые дня три звонил на свой домашний почти каждый час, чтобы справиться о моем состоянии. Всего однажды меня одолевала тоска. Дикая и непреодолимая. Это был всего лишь очередной отголосок ломки. Но и тогда у меня, к большому удивлению, получилось справиться с ней. Я просто заплакала, заперевшись в ванной комнате, а после полтора часа лежала в ванной с душистой пеной, насильно заставляя себя строить планы того, что я буду делать, выйдя из дверей дома Палмера.

Сейчас же вовсе нет смысла как-то следить за мной, быть рядом. Ведь...мне намного лучше. И никто не представляет, что за облегчение я испытываю в данный момент. Мне пришлось выпросить у Ната куртку потеплее, чтобы не замерзнуть в преддверии зимы. Он предложил купить мне новую, но просить еще и это мне было стыдно. Поэтому я взяла его кожанку лишь на пару дней, пока не разгребу в своем доме завал.

Уборка дается мне с невероятной легкостью, уже через пару часов я в полностью освобожденном от мусора номере. Я переодеваюсь в более-менее сносную одежду, что удастся отыскать в шкафу, нахожу свою куртку и собираюсь с силами.

Я должна сделать одно очень и очень важное дело. То, на которое мне никак не

набраться храбрости.

Тяжело приходиться в отчий дом после всего дерьма, что ты наделал. Невозможно постучать в двери. До боли страшно увидеть глаза матери. Будто, если я приду домой, то мир на этом остановится, и я умру. Хуже несделанной домашней работы, хуже, чем возвращаться после первой ночи проведенной не дома, а где-то в хмельной компании, и куда сложнее, чем было приезжать к ним и ставить перед фактом беременности и того, что бросаешь, пусть и временно, учебу.

Много позже, я гуляю вокруг своего старого дома. Брожу по пустеющим улицам в поисках той самой храбрости, собираюсь с мыслями, готовлю какую-то речь, но все тщетно. Я понимаю, что самой мне никак не перешагнуть порог дома, где я выросла. Что самое страшное, в какой-то момент, я понимаю, что иду по тому самому пути, который давал мне смысл. Далеко от дома, в промышленном районе на проулке, где в вечерних сумерках, горит тускло-желтым одинокий фонарь. Обшарпанная зеленая дверь, краска местами облупилась. Все здание изрисовано плохого качества граффити, а из чуть приоткрытых дверей разит спиртом вперемежку с мусором и дерьмом. Мой «Приют» выглядит мерзко. Я вижу его таким же, каким видела в первый раз, когда Брэдли привел меня знакомиться с его семьей. Только тогда было отчаяние и безразличие к собственной судьбе, а сейчас. Я в шоке, от проделанного на полном автомате пути. Мне страшно. Одна моя часть уверенно тянется зайти внутрь. Ей все так же хочется повидать «родных» для нее людей, потрепать по розовым волосам Пудинга, поболтать с Джудит, увидеть на теле Шона новый чернеющий, разъедающий его шрам. И поговорить «за жизнь» с Гоп-стопом. Наконец, вмазаться.

Но я могу теперь бороться. В моих силах заткнуть этот неиссякаемый фонтан слабости.

В ужасе бегу прочь. Со всех ног мчусь дальше, как от какого-то монстра. Лишь бы убежать от тянущей назад дыры, пока мои же желания и настроения не переменялись вновь. Ветер бьет в лицо. Промозглый и влажный, он несет в себе весть о скорой зиме. Упрашивает деревья скорее скинуть с себя всю листву, природу заснуть, а людей одеться теплее и держаться ближе к тем, кто может согреть.

— Эйприл? — Натан слегка удивлен моему позднему визиту.

Мы договорились, что я зайду через день, чтобы отдать его куртку.

— Что случилось? — он внимательно оглядывает мои покрасневшие щеки, прилипшие ко лбу волосы и приоткрытый рот, которым я жадно хватаю воздух, после безумного побега от черного желания. — Ты бежала?

— Нат, — я пытаюсь перевести дыхание. — Одно одолжение. Самое последнее. Можно?

— Сначала зайди, — настойчиво говорит он и отходит в сторону. Переступаю порог дома, где мне все кажется родным. — Пить хоче...

— Натан! — я перехватываю его за запястье, не давая уйти на кухню за водой. — Не сейчас. Я боюсь туда идти. У меня не получится.

Мужчина понимает меня. Знает, что для меня сложно.

— Ты пришла, чтобы попросить пойти с тобой?

Киваю.

— Не думаешь, что девять часов — достаточно позднее для визита время? — скептически говорит он, впрочем, уже направляясь вверх по лестнице.

Улыбаюсь его широкой быстро удаляющейся спине.

Всего квартал. Десяток минут неспешного шага. Одной из основополагающих причин нашей дружбы с Брэдли в школе, как раз и являлось то, что мы жили достаточно недалеко друг от друга. Странно было вспоминать и осознавать, что буквально в пятистах метрах от места, где я умирала от ломки, находилась моя настоящая семья. Я нервно кусаю губы, не замечая, как становится на улице холоднее. Спокойствие и силы не сбегать придает мне идущий рядом Натан. Я благодарна ему за то, что он молчит и не пытается лезть с советами и глупыми подбадриваниями.

Дорога к дому кажется мне невероятно долгой, одновременно с тем я не замечаю, как прохожу весь путь. Мне панически мало времени, чтобы подготовиться. И только спокойный призыв мужчины, возвращает меня в себя.

Нат, положа свою ладонь на мое плечо, уверенно кивает и взглядом показывает, что пора нажимать на звонок. Ноги трясутся буквально после пары ступенек, которые я преодолела медленно, словно сквозь густое желе. Руки нервно дрожат, а я потею.

Мы оба слышим, голос моего отца где-то за дверью и сердце мое сжимается от страха и радости. Как давно я не слышала его раскатистого баса.

— Давай, — почти шепотом произносит Палмер, поворачиваясь к двери.

Мой большой палец ложится на серую холодную кнопку звонка. Такой знакомый и родной свист скворца, что еще в моем детстве отец поставил вместо обычного, скучного звонка, раздается внутри дома.

Поджимаю губы, затаив дыхание, слыша чьи-то шаги за дверью.

Натан неожиданно хватается меня за руку, переплетая наши пальцы, и я немного успокаиваюсь, отвечая на его жест и сжимая мужскую ладонь так же сильно. Мгновение и я готова ко всему, что меня ждет.

Я знаю, что человек в доме смотрит сейчас в глазок. Стараюсь натянуть улыбку, но не выходит, вместо того я с замиранием сердца жду, когда светлая, лакированная дверь откроется. Страшно хочется увидеть маму.

— Том! — мамин голос встревожен. — Иди сюда! Том!

— Кейт, кто там?

Словно в замедленно съемке открывается входная дверь, и я глубоко вдыхаю воздух.

Родители так изменились. В каштановых волосах мамы, седины гораздо больше, чем я помню, сине-серые, как мои, глаза наполнены бескрайним удивлением и теплотой. Она сильно постарела. Морщинки и уставший вид с темными кругами под глазами делают её куда старше своих сорока семи. Отец стал совсем лысым, похудел и потерял свое милое пузико. Мы долго смотрим друг на друга, не веря, что все это происходит в реальности.

Наверное, родители впитывают мой образ, здоровый взгляд, розовые щеки, чистые волосы и полный надежды взгляд.

— Эйприл, — слабо говорит мама, все еще не понимая, снится это им или нет.

Переводит взгляд на Натана, потом на наши сцепленные руки. Наверное, я бы упала, если бы не его крепкая ладонь.

— Мама, пап, — я делаю пару глубоких вдохов, успокаивая сердце, — простите меня.

То, что я хотела сказать им так давно, наконец, слетает с моих губ и доходит до их ушей. В одних носках моя мама выпрыгивает на крыльцо и крепко сжимает меня в объятиях, расходясь рыданиями. Нат отпускает меня, давая возможность обнять мать в ответ. Гляжу

через её плечо на отца, который тоже на грани. Его невероятно зеленые глаза блестят, а тонкие губы растягиваются в улыбке.

— Девочка моя, — она отстраняется и заглядывает в мое лицо, обхватывая его мягкими ладонями, которые пахнут её любимым лавандовым мылом. — Мы столько караулили тебя у квартиры, столько стучались, но...мы думали, что случилось плохое.

Мне совсем не хочется сдерживать подкатившие слезы.

— Прости нас, пожалуйста. Мы такие плохие родители, солнышко! Мы не должны были тебя оставлять. Где же ты была?

— Боюсь, — говорит Натан, напоминая всем, что он еще здесь, — это моя вина. Извините, ваша дочь была в моем доме.

— И что ты с ней делал? — отец грозно сдвигает брови, обрушивая бас на доктора Палмера.

— Э...

— Он помог мне, — говорю быстро, чтобы отец чего себе там не надумал, уж я его знаю. — Мам, пап...я слезла. Только благодаря Натану.

Молчание. Пораженное и скептическое. Я знаю — они не верят, но мой вид сбивает их с толку.

— Так, дамы, на улице не лето, простынете обе, — приходит в себя первым отец. — В дом. Эйприл, жду развернутого рассказа. Руки покажешь. — Мы, как в старые времена, безоговорочно слушаюсь приказного тона отца, забегаем внутрь, и я с теплотой в душе вдыхаю родной аромат. — А ты куда?

— Но...

— Не думай отвертеться, парень, — беззлобно говорит отец и чуть ли не впихивает Натана в дом и захлопывает за ним двери. Том кладет руки на бока и серьезно на нас смотрит. — А теперь, я хочу узнать все.

Я смотрю на темное беззвездное небо. Тучи идут низко и их неровные брюшки подсвечиваются яркими огнями ночного города в километре от того, где мы идем. Спокойствие — мое теперешнее состояние. Это был странный и одновременно самый лучший вечер за очень долгое время. Обратно Натан и я идем так же в тишине, думая каждый о чем-то своем. Я чувствую какую-то печаль, но не могу понять, откуда она исходит. Смотрю на доктора: его плечи опущены, сам он немного горбится, будто под каким-то тяжелым грузом.

— Твой отец веселый оказался, — говорит он ни к чему.

А я лишь улыбаюсь.

— Слушай, поздно уже. Ну, — он смотрит на наручные часы, — фактически уже ночь. Почему ты не приняла предложение переночевать дома?

Я вздыхаю, чувствуя небольшую неловкость. Лишь бы он только не начал смеяться.

— Эм, ну, как сказать, Нат. Мне страшно.

— Почему? — он удивлен.

— Спать еще где-то. Ну, ты понимаешь.

— Нет, — он останавливается в десятке метров от собственного дома и слегка недоуменно смотрит на меня сверху вниз.

Я повторяю за ним и мнусь, чувствуя себя идиоткой.

— Ну, ты дурак. Я о том, что боюсь уснуть где-то вне твоего дома. Мне кажется, что как только я утром открою глаза, все вернется обратно и мне вновь придется идти в «Приют», встречать ребят, и считать, что это нормально.

Натан обескуражено вскидывает брови и хмыкает, пряча руки в карманы.

— Что?

— Знаешь, — Нат задумчиво глядит себе под ноги, — когда мне выдалась ночная смена два дня назад, то меня посещали схожие мысли. Будто, когда я приду утром домой, то тебя не будет и либо, все пошло псу под задницу, либо на самом деле я весь отпуск провалялся в коме, а ты мне только приснилась. — Мужчина улыбается, словно сказал какую-то глупость и вновь смотрит на меня. — Можешь остаться, Эйприл. Мне так будет только спокойнее.

Прищуриваюсь:

— Натан Палмер, ты странный человек. Вот, вроде не похож на мать Терезу, но безвозмездно помогаешь людям.

— Людям я помогаю за деньги — у меня хорошая зарплата — в больнице, — пожимает плечами мужчина и продолжает свой путь, доставая на ходу ключи.

На улице достаточно прохладно и изо рта вырывается пар.

Не понимая, смотрю в спину доктору, оставаясь на месте.

— Не против чая в два часа ночи? — его улыбка выглядит заговорщицкой, когда он, вставляя ключ в замок двери, поворачивает голову ко мне.

От чего-то пить чай с Натаном на его небольшой кухне в поздний час хорошо. Не знаю, почему доктор Палмер не любит кофе — его попросту нет в доме. Нат всегда пьет чай, крепкий. Зеленый с жасмином или черный с бергамотом. Заваривает его в своем небольшом чайнике с нарисованными, крупными зелеными листьями на керамическом боку. Мне кажется, ему доставляет удовольствие разливать напиток по чашкам. А после сидит и медленно тянет его, не заедая чем-нибудь вкусным, как все обычно привыкли делать.

— Тебе ведь завтра на работу.

— Да.

— Но ночь...и чай.

И вновь он пожимает плечами, не собираясь ничего объяснить.

— Нат.

— М?

— Я была там.

— В «Приюте»? — он мгновенно вскидывается и удовольствие, что явно читалось на лице, тут же пропадает.

Киваю и тяжело вздыхаю.

— И, правда, хотелось зайти. Тянуло, но...я убежала. У меня получилось. Возвращаться туда теперь страшно, — опускаю голову, безразлично вглядываясь в кружку, наблюдая, как мелкие чайинки, попавшие в чашку, кружат в ней, медленно и грациозно опускаясь на дно. — Все жду, когда пройдет пуганица в голове. Когда же желание станет столь незначительным, что можно будет его легко раздавить?

Теплые пальцы, совсем неожиданно, мягко хватают меня за подбородок, а легкое прикосновение губ Натана кажется таким простым и естественным, словно это не первый наш поцелуй. Так целуют только тех, кто уже очень давно рядом. Людей, что стали неотъемлемой частью жизни и какой-то привычкой. И, что немаловажно, я чувствую то же.

Так же легко и спокойно отвечаю, без похоти, экстрима, а просто с теплотой, что чувствую, когда мы вот так сидим рядом и пьем дурацкий чай.

Секунду спустя он отстраняется, быстро опрокидывает в себя остатки напитка, разворачивается, кидает кружку в мойку и, не глядя на меня, направляется к гостиной.

— Подумаем об этом завтра. А сейчас, мне на самом деле необходимо поспать хоть немного.

— Натан.

Доктор разворачивается в дверях.

— Эйприл, будь здесь столько, сколько захочешь. Комната твоя.

Я благодарно улыбаюсь.

— И все-таки, Нат, я тебе нравлюсь.

Мужчина усмехается, трет подушечкой большого пальца уголок губ.

— А я и не спорю.

Вскоре я остаюсь одна на кухне. Глупо улыбаюсь кружке и понимаю, какой все же вкусный у него чай. Знаю, что независимо от настроения, мое отношение к нему не изменится. Кажется, до меня только сейчас дошло, что все-таки получается не просто быть, а Жить. И за это я благодарна Натану Палмеру. Мужчине, который не побоялся...

Акт 8. Заключительный. То, к чему мы пришли

Ночами она стала плохо спать. Последнюю неделю Эйприл мучают либо кошмары, либо неудобное положение тела. Она часто просыпается ночью, тормошит меня и просит воды. После, долго лежит и что-то прокручивает в своей голове. Понимаю её. Я напуган не меньше, но ни капли не позволяю себе показывать это. Кому, как не мне подбадривать её и говорить, что все будет хорошо? Ведь так и должен поступать настоящий муж. Да? Конечно, меня с натяжкой можно назвать примерным, от идеала я совсем далек вместе со своей работой, увлекающей меня из дома на долгое время, дурным характером и бредовыми привычками.

Предполагаемый день родов наступит ровно через неделю, и чем ближе эта дата, тем нереальнее мне кажется окружающий мир. Я сбит с толку, я ничего не знаю об отцовстве, а читать дебилские книги, типа «Лучший папа» или «Пособие для начинающих отцов», смысла не вижу, ибо пишутся они, наверное, совсем для потерянных и ничего не осознающих мужчин.

Сложно поверить, что прошло уже три года с того самого дня, когда мы впервые встретились. Бледная худощавая девушка с передозировкой мало походила на маленькую зажигалку, что я помнил. Черт, до сих пор удивлен тому, что смог её узнать.

Буквально несколько минут назад, Эйприл вздрогнула во сне и крепко схватила меня за руку. И теперь я снова не могу уснуть. Именно сегодня, именно этой ночью, мой мозг вдруг решает все прокрутить заново. Я давно понял, что дай мне возможность вернуться назад во времени и снова оказаться на той улице, где с потухшим взглядом пробежала она, то я бы не раздумывая, повторил весь путь заново. Было невероятно сложно побороть её зависимость. Она бесила меня, заставляла желать бросить все и просто вышвырнуть куда дальше. Но отчего-то я упорно возился с девушкой, которая была близким другом моему брату в последние годы жизни.

Проходит полчаса, но я так и не могу заснуть и, угрюмо вздыхая, поднимаюсь на ноги. Спускаюсь вниз, закидываю по пути овсяное печенье в рот — жена, наконец, научилась их делать — запиваю водой и поднимаюсь обратно, сознавая, что не светит мне сегодня выспаться. Уже привычным путем медленно иду к бывшей спальне Брэдли, где теперь будет бастион нашего сына. Эйп ненавидела эти «сранные мультяшные ракеты» и потому мы быстро избавились от них. Она вообще не захотела, чтобы здесь были какие-то мультяшные рисунки. И теперь стены выкрашены в оливковый цвет, а где-то за пеленальным столиком покоится во сне кот, которого она сама нарисовала. В детской нет излишеств, лишь нужное в первое время малышу.

Я помню Брэдли маленьким. Очень плохо, но все же. Мне было всего шесть, когда из роддома родители привезли вечно орущий склад голода, какашек и бессонницы. Мать выглядела уставшей и измученной каждый день, пока ему не исполнилось три. И я навсегда запомнил, что дети — ад.

Воспоминание заставляет меня приглушенно засмеяться. Все же я был и остаюсь дураком. Может, потому я не обижаюсь, когда Эйп зовет меня так?

Нелегко было решиться на ребенка. Мы оба хотели этого, но в ней прошлое отпечталось сильно и переживания все еще терзали её. До ужаса в глазах, она боится

рожать. Впрочем, я тоже, одновременно жду и страшусь этого момента. Каким бы первоклассным врачом ты бы не был, опыт меркнет перед фактом беременности и родов твоей жены. Любимого и самого близкого человека. Ей богу, у меня голову будто сносит, когда мы ходим вместе на УЗИ, и я забываю, все, что знал об этом.

Задумчиво кручу простенькое кольцо на пальце. Это стало привычкой, такой же невыводимой, как и любовь к Эйприл.

Мы тихо обручились в присутствии только наших родителей и её сестры. Больше никого приглашать и не хотелось. После был такой же тихий семейный ужин у нас. Несмотря на всю простоту, тот день был наполнен человеческой теплотой и вошел в разряд моих лучших дней жизни.

— Натан!

Голос в коридоре прозвучал слишком отчаянно. Наверное, очередной кошмар.

— Эйприл, я иду, что...

— Натан! Я...у меня...кажется...

Она не успевает договорить, когда я вхожу в комнату и пораженно смотрю на стоящую посреди неё любимую женщину, а под её ногами огромную лужу.

— ...воды отошли.

Странно, почему-то я не понимаю того, что она мне говорит, и тупо пялюсь на мокрое пятно на ковре.

— Натан, — громко и четко произносит Эйприл, — очнись, дурак! Я рожаю. Заводи драндулет!

— А?

— Сумка, там в углу. Бери её и иди заводи машину, я сейчас...оденусь.

Она растеряна не хуже меня. Мы несколько долгих секунд смотрим друг другу в глаза, копируя эмоции, а потом оба широко улыбаемся, понимая...нет...зная, что все будет хорошо.

Именно эта женщина вернула в меня веру, угасающего было огонька надежды и знания, что жить никогда не поздно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net